

Речь пойдёт об Анне Борисовне Сазоновой, которая оказалась в заточении в симбирском концлагере, устроенном большевиками в Спасском женском монастыре. Родственница Столыпина, правнучка Суворова, родная сестра новомученика святого Алексея (Нейдгарта) оставила потомкам воспоминания «Мои переживания в 1916–1924 годах». В них высвечиваются отважный дух, крепость убеждений, чувство достоинства. Глубокая, искренняя вера в Господа присутствовала в Анне и была естественной, как солнце и воздух, как жизнь. С.Н. Булгаков, известный богослов, назвал воспоминания Анны Сазоновой «подлинным религиозным переживанием».

Симбирская пленница

История Симбирского Спасского Новодевичьего монастыря начинается вместе с основанием города в 1648 году. За триста лет он занял большой район в центре города. Высокая колокольня, три алтаря, пять глав храма в византийском стиле украшали город. Золочёный иконостас и иконы были изготовлены и написаны в Москве. После Октябрьского восстания большевиков Спасский монастырь был закрыт и уже через два года преобразован в первый губернский концентрационный лагерь. Сестёр обители разогнали. Монахини и верующие писали письма предгубисполкома Гимову и даже Ленину, но напрасно.

Следственное дело «О церковно-монархической фашистско-повстанческой контрреволюционной организации в городе Ульяновске» длилось недолго – всего три недели – и завершилось кровавым преступлением: было вынесено 55 смертных приговоров монахиням и митрополитам, архиепископам и сельским священникам, мирянам. Анна Бори-

совна Сазонова избежала расстрела, но она оставила потомкам ценное свидетельство – воспоминания, названные автором «Мои переживания...». Пример её духовного подвига достоин восхищения и пристального изучения. Слабая женщина смогла преодолеть тяготы заточения и жестокие испытания – ей помогла выстоять глубокая вера в Бога.

Жизнь Анны Сазоновой-Нейдгарт и её семьи связана с историей нашего города и России, с Императорским православным палестинским обществом (ИППО), с представительством российской миссии в Ватикане, с царской семьёй.

Многие её родные пострадали от кровавого террора, сама Анна была арестована в 1919 году в Симбирске,

А.Б. Нейдгарт с государем императором Николаем Александровичем и дворянами на Саровских торжествах

Алексей Нейдгарт и нижегородские дворяне. Начало XX века

когда возвращалась из своего имения, находившегося в 70 верстах от станции Мелекес. В застенках «красной зоны» правнучка генералиссимуса Александра Суворова писала о своих переживаниях с постоянной молитвою, с упованием на милость Божию. Ибо знала она о святости её великого прадеда-полководца и помнила его последние слова, сказанные после причастия: «Покой души – у Престола Всевышнего».

Прежде чем перейти к самим записям Анны Борисовны, остановимся на фактах её биографии.

Анна Борисовна Сазонова-Нейдгарт родилась в семье действительного тайного советника, обер-гофмейстера высочайшего двора Бориса Александровича Нейдгарта. Предки Нейдгартов приехали в Россию из Австрии в конце XVII века, поступили на воинскую службу, приняли православие. Они были связаны родственными узами со многими аристократическими семьями России. Анна через свою бабушку Наталью Александровну (1775–1844) приходилась правнучкой выдающемуся русскому полководцу генералиссимусу Александру Васильевичу Суворову (1730–1800). Отец Анны, Борис Александрович Нейдгарт, егермейстер царского двора, был влиятельным человеком – почётным опекуном Московского присутствия Опекунского совета учреждения императрицы Марии. Детей в семье было пятеро: Александр, Дмитрий, Алексей, Ольга и Анна.

Анна Борисовна (1868–1939) стала женой министра иностранных дел Сергея Сазонова, а сестра Ольга (1865–1944) – супругой премьер-министра Петра Столыпина. Братья Анны впоследствии стали членами Государственного совета и гофмейстерами. Алексей, предводитель нижегородского дворянства, благотворитель и член Госсовета, был расстрелян в 1918 году и впоследствии причислен к лику святых.

Столыпины и Сазоновы вели совместное хозяйство в доставшемся сёстрам по наследству имении Чулпановка в Казанской губернии. В те роковые годы Октябрьского переворота Анна Борисовна оказалась совсем рядом с Симбирском, так как по сложившейся традиции, положенной самим Петром Столыпиным, посещала имения, в которых они вели совместные хозяйственные дела. Вот отрывок из письма Петра Аркадьевича супруге Ольге: «Хочу написать Анне [Борисовне Сазоновой], чтобы она в Чулпановке объехала наши владения – хоть формально показать там надзор».

Женитьба Столыпина на Ольге Сазоновой связана с трагическими обстоятельствами. На дуэли с князем Шаховским погиб старший брат Михаил, который был помолвлен с фрейлиной императрицы Марии Фёдоровны – Ольгой Борисовной Нейдгарт. Существует предание, что на смертном одре брат положил руку Петра на руку своей невесты. Через некоторое время Столыпин просил её руки у отца Ольги Борисовны. Брак оказался очень счастливым. В 1885 году в Санкт-Петербурге родилась старшая дочь Мария (1885–1985), всего у четы Столыпиных родились пять дочерей и сын.

Столыпины вели весьма скромный для своего круга образ жизни. Ольга Борисовна лично проверяла все счета, но денег хватало не всегда. Сам П.А. Столыпин не имел возможности заниматься хозяйственными делами. Брат Анны Борисовны Алексей (1863–1918) был женат на княжне Любове Николаевне Трубецкой (1868–1928). Видный политический деятель, меценат, благотворитель, строитель многих храмов, в том числе храма Святого Угодника Серафима Саровского Чудотворца в Нижегородской области, Алексей Нейдгарт был членом Государственного совета и Императорского православного палестинского общества и привлекал к меценатству влиятельных лиц Российского государства.

За труды в строительном комитете по сооружению в Санкт-Петербурге Феодоровского собора в память 300-летия царствования Дома Романовых он получил Высочайшую благодарность от императора Николая II и 4 марта 1914 года был назначен ктитором храма-памятника.

После февральских событий Алексей Нейдгарт в мае был выведен за штат, а 25 октября 1917 года окончательно уволен с государственной

Сергей Дмитриевич Сазонов, министр иностранных дел Российской империи, супруг Анны Борисовны

↑ Пётр Аркадьевич Столыпин с супругой Ольгой Борисовной Нейдгарт

службы большевиками. Оставшись не у дел, вернулся в Нижегородскую губернию. Там он был арестован и 6 ноября 1918 года вместе с преосвященным Лаврентием и протоиереем Алексием Порфирьевым расстрелян. Его сын Борис умер от тифа в лагере в 1920 году.

В 2000 году Алексей Борисович Нейдгарт был канонизирован юбилейным Архиерейским собором Русской православной церкви как новомученик. В его имении, бывшем селе Отрада (ныне посёлок Новый Мир Нижегородской области) сейчас ведутся восстановительные работы храма во имя Святого Преподобного Серафима Саровского Чудотворца. Когда-то к строительству этого храма Алексей Нейдгарт привлекал самых влиятельных лиц Российского государства: императора Николая II, председателя Императорского православного палестинского общества великую княгиню Елизавету Фёдоровну. Очень может быть, что при этом и сама Анна Борисовна, и родная её сестра Ольга состояли в ИППО, поскольку активно занимались благотворительностью и лично были знакомы с Елизаветой Фёдоровной, которая после убийства своего супруга великого князя Сергея Александровича Романова возглавила ИППО.

Но вернёмся к юным годам Анны Борисовны. В 1899 году Анна вышла замуж за Сергея Дмитриевича Сазонова, министра иностранных дел Российской империи в 1910–1916 го-

дах. Сазонов был политик с солидным стажем и опытом. Именно ему в полночь на 1 августа 1914 года немецкий посол в Петербурге Ф. Пурталес передал ноту об объявлении войны.

В июле 1916 года Анна Борисовна получила известие об отставке мужа с поста министра. Сергей уехал на лечение в Крым и убеждал жену приехать к нему, но Анна Борисовна находилась в Чулпановке Чистополь-

ского уезда Казанской губернии и ехать отказалась, поскольку боялась оставить имение «на произвол судьбы или злой воли людей».

Октябрьскую революцию и Брестский мир с Германией Сергей Сазонов встретил крайне враждебно. Осенью 1918 года он вступил в должность министра иностранных дел правительств А.И. Деникина, А.В. Колчака, а затем П.Н. Врангеля. Весной 1920 года руководители Белого движения сместили его с этого поста. Сазонов остался во Франции на правах политического эмигранта. Он скончался в Ницце 25 декабря 1927 года и был похоронен на русском кладбище «Кокад».

Анну в 1919 году арестовали в Симбирске, куда она приехала из своего конфискованного имения, находящегося совсем недалеко от Симбирска, и провела в заключении больше года. Глубокая и искренняя религиозность Анны Сазоновой позволяла встречать все испытания в смиренности и преодолевать их. За эти годы, в тюрьме и на свободе, она познала удовлетворение от собственного труда: была и швейей, и медицинской сестрой, и санитаркой в тифозном бараке. При этом она испытала удивление и радость общения с совершенно новым для неё слоем людей – «социально обиженных», «заклеймённых»,

↑ Семья Нейдгартов в собственном имении. Слева направо: сидят Мария Александровна, Борис Александрович, Анна Борисовна, стоят Ольга Борисовна, Алексей Борисович и Дмитрий Борисович

Дом Нейдгартов и Столыпиных в имении в Чулпановке

в которых таилась «где-то глубоко-глубоко искра Божья».

Своё освобождение из тюрьмы ВЧК в сентябре 1920 года Анна Борисовна не без оснований связывала с отставкой мужа и отходом его от политической деятельности. Ей повезло, она спаслась и эмигрировала из России. В эмиграции она со свойственной ей активностью приобщилась к церковной деятельности, занималась благотворительностью,

а после создания её братом Дмитрием Борисовичем Нейдгартом в 1927 году Зарубежной казны для помощи русским эмигрантам работала в этой организации вплоть до своей смерти в 1939 года в Версале.

Своё повествование Анна Борисовна начинает с лета 1916 года, когда, покинув Петербург, отправилась в Чулпановку. Здесь её застали Февральская, а затем и Октябрьская революции.

Интерьер гостиной в доме в Чулпановке

«1919 год. Симбирск.

...Возвращаясь домой, я вошла к себе почти одновременно с чекистом, одетым в изящный «френч», в котором я сразу почувствовала свою Судьбу. Он показал мне какую-то бумажку – ордер и пригласил меня пройти в комнату хозяев, где уже были собраны и другие квартиранты, имена и род занятий которых были опрошены и записаны для формы.

Обратившись вслед за этим ко мне, он меня в упор спросил, признаю ли я себя женою бывшего царского министра Сазонова. Я намеренно удивлённо подняла брови и раскрыла глаза на наивность такого вопроса и ответила: «Разумеется, признаю и никогда этого не скрывала». Он на минуту запылся, будто опешил, но затем сказал, чтобы я в таком случае немедленно последовала за ним в особый отдел Востфронта для допроса. Глядя ему прямо в уклоняющиеся от моего взгляда глаза, я спросила: «Что это – арест или допрос? Если арест, то я возьму с собою кое-какие необходимые вещи». – «Допрос, лишь допрос, и через полтора-два часа вы снова будете дома», – убеждённо ответил он.

Я из лёгкого белого платья всё же переоделась в старенькую блузу и чёрную юбку, надела лондонское непромокаемое пальто, положила в карман икону Спасителя – благословение моей матери в 1884 году – и моё, ещё детское, Евангелие, взяла капли для сердца, и вот лишь с этим багажом последовала я за своею судьбою...

ПЕРВОЕ МЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Не стану описывать долгого и неинтересного допроса, произведённого, впрочем, вполне вежливым человеком, сказавшим мне даже, что «много слышал и ранее о моей деятельности в Петрограде» («Какой?» – удивлённо спросила я. Ответ: «Благотворительной»). После сего колквима я была оставлена с солдатом с винтовкой у двери, с двумя другими, арестованными же, гражданами. В этой обстановке, сидя на венском стуле, в недоумевающем ожидании чего-то провела я полтора

долгих, тёмных дня и две нескончаемые бессонные ночи. Это было преддверье, увертюра и моё первое соприкосновение с советской фемидой: я тогда по глупости воображала, что меня действительно отпустят, если и не совсем, то хоть по крайней мере за необходимыми мне вещами; сидя, час за часом, вечер, ночь, утро, день и ещё вечер, и ещё ночь, и ещё утро, наивно всё ждала: вот-вот придут и выпустят меня.

Вечер второго дня этого неподвижного сидения, после полутора суток без всякой пищи, внёс разнообразие в мою пытку в виде приноса мне караульным еды, посланной моими знакомыми, которым удалось напасть на мой след и порадовать меня и физическим подкреплением, и нравственным участием.

На утро третьего дня, не сказав куда, меня вдруг спешно вывели на двор, где было собрано ещё несколько арестантов, и под сильным конвоем повели по направлению к вокзалу.

Я подумала, что меня ведут на железную дорогу для отправки в Москву или куда ещё, но исполнение этой программы было ещё впереди; пока что меня просто привели в Симбирскую губернскую тюрьму.

МЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ № 2

Как сейчас помню моё чувство, когда меня узкой калиткой впервые пропустили на тюремный двор, окружённый забором и колючей проволокой; на дворе в эту минуту гуляли заключённые. Справа и слева услышала я несколько дружеских окликов от ещё до меня арестованных, знакомых мне симбирских помещиц и буржуек. Но подойти с ними поздороваться, как я было захотела, мне разрешено не было.

Меня повели наверх, где дежурная надзирательница, добрая Анна Васильевна, с участием взглянула на мой усталый вид и при этом, обыскивая меня с ног до головы, приветливо сказала: «Ну, отдохайте у нас, здесь нет ни обысков, ни арестов».

Эти слова могли бы казаться плохой шуткой, но последние недели и месяцы, действительно, так издёргали нервы, так истомили постоянным, утром и вечером, днём и ночью, как дома, так и на улице, сознанием, как

бы предвкушением, что «вот-вот придут, вот арестуют, что когда я, наконец, попала под крепкую сень тюрьмы, я почувствовала, что будто к чему-то причалила, и после всего вынесенного за последние дни я первую ночь в заточении, хотя и на голых досках, проспала как убитая».

Звякнув связкой громадных ключей, с жутким звуком и звоном, отперла моя стражница огромный замок тяжёлой железной двери, над которой на дощечке я вслух прочла: «Камера № 4 на 25 женщин». Надзирательница улыбнулась и сказала: «Да, двадцать пять, а вы тридцать восьмая».

Я (о наивность!) не успела выразить своего удивления – как же, мол, так, как дверь за мной с тем же зловецким шумом уже захлопнулась.

Lasciate ogni speranza, voi ch'entrate, – вспомнился мне стих Данте. – «Оставьте всякую надежду, входящие сюда» (Ад. Песнь третья).

<...> Так как нас в камере, предназначенной для 25 человек, действительно было 38 женщин, а коек, т. е. узких лож, состоящих из трёх голых досок, было всего 25, то преизбыток из 13 женщин либо делили «кровать» с другими, либо пребывали на голом полу. Признаюсь, ни та, ни другая перспектива мне не улыбалась, и я, как новичок, стояла неподвижно посреди камеры, выжидая, где мне велят *tich niederlassen* (осесть).

Нашлись добрые люди, хотя до того мало мне знакомые, но с которыми я сошлась в тюрьме (Нина Петр., Зин. Дор., Над. Яков., Ольга Вас.), и сейчас же участливо устроили мне койку, да ещё у окна (что с моим затруднённым дыханием было приятно), уговорив одну юную проститутку мне уступить свою.

Единственный мой багаж был зонтик в руках (и этот впоследствии отобрали у меня в ВЧК в Москве) да Евангелие в кармане. Разбираться да «устраиваться» на новом месте, следовательно, не приходилось, и делать было решительно нечего. И я села на указанные те доски, села и крепко задумалась. Если б я умела плакать да в истериках метаться, то, наверно, было бы гораздо легче.

К слову скажу, что в заточении первые сутки и весь первый месяц, как позднее и 13-й месяц, когда перевалит год, кажутся особенно томительны, тяжёлы и долги.

<...>

По моём приходе мне сейчас же «свой брат» – заключённые сообщили, что накануне специально для меня (я в должной мере польщена этой честью) была приведена самая видная шпионка Губчека, и она мне была тут же указана. Арестантки вообще с первых почти слов часто распознают «наседку» (как в московской тюрьме называют доносчиц) и, понятно, бывают с нею осторожны. Мне скрывать было нечего, и я позволяла себе роскошь не быть таинственной с этой особой, фрау Р. (Рогер), так трагично кончившей несколько месяцев спустя. Она сразу подъехала ко мне и вкрадливо заговорила по-немецки, что «уже слышала о моём знании иностранных языков». Дебют для неё был неудачный: комплиментами меня можно лишь оттолкнуть, а не привлечь. Она, впрочем, скоро это поняла и вела впредь беседы на разные темы без лести и каждения.

В этой же камере сидела одна милейшая, до того очень богатая старушка (забыла фамилию, назову её Степановой), попавшая на долгие месяцы в тюрьму и потерявшая всё своё состояние из-за клеветы и доносов этой самой Р., которая, к слову сказать, и из тюрьмы по ночам, когда все спали или притворялись спящими, писала в Губчека начальству подробнейшие отчёты и характеристики о всех нас, заключённых.

Фрау Р. продолжала и в тюрьме всячески изысканно унижать своих жертв: старушку Степанову она в особенности ненавидела за её прямой нрав и чистое сердце и оскорбляла её там ещё тем, что ежедневно получаемые Р. «передачи» приносились нарочно в посуде, принадлежавшей Степановой, что, понятно, каждый раз вызывало в несчастной старушке слёзы досады. Я всячески старалась притупить бедной Степановой чувство равнодушия к подобным мелочам (хотя всей душой понимала её негодование), и помногу мы с ней разговаривали под вечер, до «поверки», когда она из своего угла приходила к моему окну «как в саду, подышать воздухом», говорила она, ибо на решётке моего окна стояли в старой, кем-то выброшенной жестянке прелестные маргаритки. Эти цветочки распускались и цвели. Я их с любовью холила и поливала, и они были истинной радостью для меня в первые недели моего заточения.

В течение лета привели и посадили в нашу же камеру одну бога-

тую симбирскую еврейку (забыла фамилию), арестованную, как оказалось, тоже стараниями фрау Р. Еврейка скоро осмотрелась и разобралась в окружавшей её компании и взяла, между прочим, под своё покровительство старушку Степанову, гонимую Р. Ко мне она тоже почему-то относилась с большим участием и даже облагодетельствовала меня зубной щёткой – роскошью, которой я недель шесть была лишена (я зубы чистила корками чёрного хлеба); она же настояла, чтобы я взяла её пуховую подушку (я в то время страдала ишиасом и не только вставать, но и двигаться на своих досках не могла, а под головой у меня было полено, на ночь прикрываемое юбкой, моей единственной, которую днём я носила <...>). Хотя многие имена, к сожалению, я и забыла, но образ всех добрых людей, со мной переносивших заключение, навсегда сохранится в моём сердце.

Но возвращаясь к фрау Р., еврейке и старушке. Всё это, может быть, не заслуживало бы особого упоминания, если бы не следующие, по-моему, крайне поучительные факты, подтверждающие лишний раз, что «любящим Бога все содействует ко благу» и «что нет ничего сокровенного и тайного, что не открылось бы».

Раз, засыпая, я видела, как Р. старательно что-то строчила; «особо красноречивое измышление начальству на нас» – так думала я, и через день или два вдруг вызывают еврейку на допрос. Для всех приговорённых (как была и я до конца Гражданской войны) эти вызовы подследственных на допрос были всегда большим событием, нарушавшим мертвящее однообразие нашего существования, и мы всегда с нетерпением ждали их возвращения с допроса. «Всё по улицам прошли; вольный свет увидали; иным воздухом подышали и что-то узнали. Какие вести принесут?» – говорили мы себе.

Глядим мы через решётку на двор, видим, ведут нашу еврейку обратно, и она нам незаметно делает знак: готовьтесь, мол, что-то услышите. Наконец дверь с привычным лязгом ключей и замков отпирается и, впустив её, немедленно тяжело замыкается. Но еврейка не идёт к своему месту, а останавливается перед Р. и начинает ей громко и властно выкладывать всю клевету, которую та, очевидно, сообщала про многих из нас в своих ус-

лужливых доносах в Губчека. Р. краснеет, бледнеет, ни жива ни мертва, хочет сохранить своё «лицо», но уличённая, виноватая, не смеет. Для нас это единобразие – своего рода представление, и мы, притаив дыхание, глядим и слушаем.

На следующий день на допрос вдруг требуют фрау Р.; она вообще держала себя самоуверенно и авторитетно, будто существо неуязвимое. К вечеру возвращается она, и мы её не узнаем: подменили нам нашу ехидную наседку: скромна, принижена, молчалива.

Перевод в Женский монастырь Симбирска

Через несколько дней приказ: нас женщин (кажется, около 30), переводят в концентрационный лагерь, в женский монастырь; добрую старушку Степанову и еврейку освобождают совсем; а Р. в тот же вечер вызывают снова на допрос...

В ту минуту, когда мы, уже готовые, но ещё в камере, ждём приказа двинуться, ко мне вдруг подкрадывается Р., становится передо мной на колени, целует мне руки и, обливаясь слезами, умоляет меня, «чистую, неповинную», её простить. Я в полном недоумении, чем она передо мной виновата, прошу её встать и стараюсь успокоить, но тут нам велят строиться в ряды для шествия через весь город; и нас уводят.

Через несколько дней к нам в лагерь приходит такая весёлая, радостная старушка Степанова, приносит мне «для раздачи всем благоволившим к ней в тюрьме» обильную «передачу», рассказывает, что кто-то, кому она некогда помогала, теперь приняли её к себе, приютили, одели и не знают, как достаточно её обласкать. Она же «не знает даже, чем заслужила такую милость Божью» и вдруг напоминает мне мои слова, которые я ей часто, в минуты её уныния, повторяла: «Не бойся, только веруй» и «...ничто не повредит вам».

А об Р. мы узнаем следующее: в тот же вечер её увели, допрашивали с 9 часов до 2 ч. ночи, заставили её признаться, что она неточно осведомляла пославших её, что то и то-то было вымышленной клеветой, и когда она поставила под актом, уличившим её лживость, свою подпись, ей объявили: «Ну, теперь ступайте, проститесь с дочерью и внуком», которых она обожала, для которых и работала, ложны-

ми доносами приобретая чужое состояние, и... на рассвете её расстреляли.

«Мне отпущение, и Аз воздам».

<...>

Что было УЖАСНО тяжело и ощущалось мною с одинаковой остротой и интенсивностью, как первые, так и последние месяцы, это быть день и ночь, сутки за сутками, недели за неделями постоянно на людях, и ни одной секунды одной, даже в «уборную» нас водили гурьбою, а в иных московских тюрьмах (ВЧК и Особого отдела) к тому же с вооружёнными солдатами, под конвоем. Как я повсюду ни просила посадить меня в «одиночку» – одиночка считалась особой мерой наказания, мне это, увы, ни разу не было разрешено. Видно, в этом волею Божьею усматривалось настоящее мне испытание, испытание терпения и выдержки, для пуцего закала духа.

В конце концов всегда в той, столь разнородной по составу, шумной, грязной, грубой и истеричной толпе «интеллигенток», в особенности же стольких псевдоинтеллигенток, воровок, политических и проституток, окружавших меня, заражавших одна другую не только своим донельзя взвинченным настроением, но и... своими вшами да клопами (мне приходилось в одно утро находить их на себе до 20 штук) – вот в этом «антураже» мне удавалось повсюду встретить душевных людей, с которыми я сходилась и от которых видела много расположения и трогательный уход во время моих частых болезней в тюрьме.

И скажу, что именно в социально обиженных, «заклеймённых» чаще тлелась, где-то глубоко-глубоко, искра Божья, будто внезапно зарницей освещающая лицо какой-нибудь «пропащей», подтверждая, что «чем ночь темней, тем ярче звёзды». Из них некоторые, действительно, были будто звёзды во тьме, когда подумаете, что эти «пропащие» видали с колыбели, какими примерами они были с детства окружены.

Можно только удивляться, откуда у них подчас бралась такая духовная чуткость, такая способность различать настоящее от поддельного. Пусть они воровки (да ещё какие ловкие), проститутки, чуть не с семилетнего возраста, но какие это подчас глубоко добрые, великодушные натуры...

Материал подготовил
Нафанаил Николаев

Продолжение читайте
в следующем номере